

Отрицание в языке — одна из важнейших проблем общего языкознания, прежде всего в плане соотношения формы и содержания, структуры предложения и выражаемой им мысли. Хотя отрицание всегда находилось в центре внимания формальной логики и лингвистики, эта проблема исследована все еще недостаточно. Более того, в отечественной и зарубежной лингвистике нет монографического исследования, в котором к анализу отрицания как языковой универсалии был бы применен логико-грамматический подход. Именно этот пробел в определенной мере восполняет рецензируемая монография.

Книга состоит из Введения, трех глав и Заключения.

В первой главе «Основные концепции логико-грамматической категории отрицания» (с. 6—78) подвергнуты критическому анализу основные логико-философские (раздел «Отрицание в формальной логике») и лингвистические (раздел «Отрицание в лингвистике») концепции отрицания. В разделе «Отрицание в формальной логике» критически рассматриваются различные логические концепции отрицания. Согласно концепции «особой отрицательной реальности», отрицательные суждения свидетельствуют о небытии. С точки зрения концепции «реальности, отличной от данной», истинные отрицательные суждения говорят о мире положительных фактов, но делают это не прямо, а косвенным образом, отражая не собственные свойства отдельных вещей, а их отношение к другим вещам (отношение различия, отношение несовместимости). Сторонники теории отрицания как «полагания мыслимого реально не существующим» небытие признавали объективно, но оно понималось не как «чистое небытие», а как небытие одного в бытии другого, т. е. как инобытие. Сторонники отрицания как «преодоления ложного знания» обнаруживают субъективно-идеалистический взгляд на природу логических форм, законов и категорий, рассматривая их не как отражение объективного в субъективном, а лишь как продукт «чистого» мышления (отрицание существует только в мыслях, суждение — это только суждение о суждении). В «психологической концепции отрицания» утверждение и отрицание суть параллельные выражения одобрения и неодобрения субъектом мыслимого содержания. Сторонники «содержательной концепции отрицания», преобладающей в материалистической формальной логике, рассматривают отрицание как элемент смысла суждения, имеющий объективное основание. В формальной логике принято семантическое определение отрицания в терминах истины и лжи: отрицание истинного суждения есть ложь, а отрицание ложного — есть истина. Отрицание в математической логике есть одна из основных логических операций, которая применяется 1) к суждению в целом и 2) к понятию как составному элементу высказывания. В первом случае отрицание

употребляется для опровержения суждения, во втором случае (в логике предикатов) — для выражения отсутствия у субъекта какого-либо признака.

Рассмотрев различные концепции логического отрицания, автор приходит к выводу, что в философской и логической литературе нет общепринятого, последовательного ответа на вопрос о сущности отрицания. По мнению автора, логические операторы отрицания отображают категориальный аппарат человеческого мышления. Как и другие логические формы и категории, они отражают наиболее общие отношения и структуры самого объективного мира, которые миллиарды раз воспроизводятся в деятельности людей, а затем закрепляются в виде определенных фигур логики. В силу этого они имеют аксиоматический характер. Не является исключением и формально-логическое отрицание: оно тоже есть отражение действительности (реального отсутствия чего-то) и имеет весьма абстрактное формальное содержание. Отрицание — одна из фундаментальных категорий формальной логики, это — субъективный образ объективного мира. В содержательном плане отрицание имеет соответствующие онтологические аналоги — такие свойства объективного мира, как инобытие, различие и др.

В разделе «Отрицание в лингвистике» рассматриваются различные концепции отрицания в лингвистике. В «психологической концепции отрицания» отрицание рассматривается в духе психологизма — как чисто субъективное проявление человеческой психики. В «прагматической концепции отрицания» в отрицании видят явление внутриязыковое: это — коммуникативная операция, отклоняющая или корректирующая мнение адресата. Из того верного факта, что отрицания как такового в самой действительности нет, делается ошибочный вывод, будто отрицание есть чисто лингвистическая категория, ничего не говорящая о положении дел в самой действительности. Сторонники «концепции отрицания как выражения отсутствия объективной связи» рассматривают отрицание как языковую категорию, служащую средством негативных связей между понятиями. Категория отрицания выражает не языковое значение, а является формой выражения отрицательного суждения, отражающего отрицательные связи действительности. Представители «концепции отрицания как выражения объективной разединенности» рассматривают отрицание как грамматическую категорию, которая выражает некую смысловую разединенность между членами предложения и соответствует разединенности чего-то в самой действительности. В «концепции особой отрицательной модальности» отрицание (противопоставляемое утверждению) рассматривается как основная форма модальности, но не как объективная категория, имеющая определенный онтологический аналог, а как чисто субъективная, оценочная категория. Включение отрицания в категорию

модальности происходит в силу того, что модальность ошибочно понимается как некая всеобъемлющая категория, в которой отсутствует единый *principium divisionis*.

Рассмотрев различные концепции отрицания в лингвистике, автор приходит к следующим выводам. Психологическая и прагматическая концепции отрицания представляются несостоятельными, поскольку в них не признается детерминированность отрицания объективной действительностью: отрицание — это либо чистый продукт психики человека, либо только внутриязыковая функция — выражение мнения говорящего о чьей-либо мысли. Для автора неприемлема безоговорочно и концепция отрицания как выражения объективной раздвоенности: нельзя рассматривать в качестве референта отрицания некую раздвоенность. Неверной автор считает и интерпретацию отрицания как особых форм модальности и предикативности. Включение отрицания в число бесспорно модальных значений связано с неоправданно широким пониманием самой категории модальности. Предикативность же как отнесенность содержания всего предложения к действительности не зависит от формы (положительной или отрицательной) данного предложения. По мнению автора, заслуживает внимания концепция отрицания как выражения отсутствия объективной связи. Однако в качестве денотата отрицания следует рассматривать именно отсутствие данного, определенного вида связей в самой действительности, а не просто объективные связи. Семантика утверждения и отрицания — логическое свойство предложения-суждения. Но она одновременно является и грамматическим свойством предложения.

Автор, безусловно, прав, что формально-логическое и языковое отрицание по смыслу сопоставимы, но отнюдь не идентичны (они могут не совпадать). В качестве примера автор приводит слова *слепой* и *глухой*, в которых грамматика, в отличие от логики, не усматривает никакого отрицания. С точки зрения логики в них, по мнению автора, выражено отсутствие, лишенность зрения и слуха, т. е. отрицание. Нам представляется, что с точки зрения логики в этих словах может быть отражено и утверждение, и отрицание. Все зависит от того, в состав каких модусов включены суждения данными словами: на фоне одних суждений, образуя с ними логическое умозаключение, суждения с этими словами могут иметь отрицательный смысл, на фоне же других суждений — утвердительный смысл. Критерием распознавания «отрицательности» или «положительности» в этих словах служит правильное построение соответствующего модуса. Говоря о положительной семантике отрицательных по форме предложений, автор приводит примеры, которые, с нашей точки зрения, вовсе не имеют «положительной семантики»: *Не опоздать бы на поезд* (= *Я не должен опоздать на поезд*), *По газонам не ходить* (= *Я не должен ходить по газонам*).

Во второй главе «Средства выраже-

ния отрицания. Усиление отрицания. Отрицание отрицания» (с. 79—140) рассматриваются типичные способы выражения отрицания, средства усиления отрицания, функции двойного отрицания в разнотипных языках, некоторые общие тенденции развития и становления отрицаний. Одним из самых распространенных синтетических способов выражения отрицания во многих и-е. языках являются отрицательные аффиксы типа русск. *не-, ни-, без-*. Автор описывает отрицательные аффиксы, возможности их сочетаемости с различными частями речи, их дифференциацию по частям речи в разнотипных языках. Наиболее распространенным средством аналитического грамматического выражения отрицания в языках различных типов являются отрицательные частицы. При этом одни из них употребляются только с глаголами, другие — только с именами, третьи — и с теми, и с другими. В качестве средств выражения отрицания могут выступать отрицательные местоимения (*никто, некого, нечего*) и наречия (*нигде, никогда*). Средством отрицания служат служебные глаголы, союзы, предлоги (последнего). В том или ином языке отрицание может быть выражено и неявным образом — имплицитно, в составе отдельной положительной словоформы или же целой синтаксической конструкции. К лексическим средствам имплицитного выражения отрицания относятся некоторые слова, словосочетания и фразеологические обороты с отрицательной семантикой (русск. *нет, нельзя*). Для синтаксиса русской разговорной речи характерно использование утвердительных по форме предложений в функции отрицательных: ср. русск. *Стану (буду) я читать!* Отрицание может имплицитно содержаться в вопросительном по форме предложении *Да разве это ответ?* Скрытое отрицание способны выражать предложения типа *До шутки ли ему?* Раскрывая особенность положительной семантики отрицательных по форме предложений, автор отмечает несовпадение в них плана выражения и плана содержания. Такое несовпадение проявляется в том, что отрицательное по форме предложение может передавать утвердительное значение и, наоборот, предположение положительное (без отрицательных средств) способно выражать отрицание (т. е. имплицитное отрицание): *Разве я не говорил тебе об этом?* Побудительные предложения с отрицаниями, как считает автор, выражая значения «предупреждения», «угрозы», не содержат в себе отрицания. Думается, что это ошибка, т. к. такие предложения имеют явно отрицательное значение: *Не опаздывай на лекции!* = *Тебе не следует опаздывать на лекции*. К средствам усиления отрицания автор относит наречия меры и степени, указывающие на высокую степень интенсивности признака (*очень, совсем, вовсе, отнюдь, далеко, совершенно, абсолютно, решительно*). Анализируя случаи «отрицания отрицания», автор пишет, что в количественном отношении отрицание может быть однократным, двукратным и многократным. К двукратным отрицаниям автор относит: 1) сочетание отрицательной частицы *не*

с префиксом *без-(бес-)*, 2) предложения со словом *нет* и предлогом *без*, 3) предложения, где имеется префикс *небез-*. Утверждение и двойное отрицание тождественны друг другу, закон двойного отрицания может рассматриваться как своеобразная модификация другого логического закона — закона тождества. Говоря об «отрицании отрицания» как о логическом средстве выражения утверждения, автор пишет и о таких двойных отрицаниях, которые, с нашей точки зрения, уже не являются «отрицанием отрицания» (*Он ничего не сказал = Он не сказал*). Подводя итоги анализа средств выражения отрицания, автор пишет, что отрицание как языковая универсалия, в отличие от своего противочлена — утверждения, характеризуется нулевым показателем в языке, выражается разнообразными лексическими, морфологическими, синтаксическими и фонетическими средствами.

В третьей главе «Роль отрицания в конституировании структуры предложения и выражаемой им мысли» (с. 141—191), занимающей главенствующее положение в монографии, исследуется функционирование отрицания на синтаксическом и логико-грамматическом уровнях членения предложения и на соответствующих им уровнях структуры суждения. Впервые эта проблема была поставлена и исследована на материале русского языка В. З. Панфиловым [1]. В. Н. Бондаренко исследует эту проблему на материале более широкого круга языков. В разделе «Концепция „общего“ и „частного“ отрицания» автор выражает несогласие с традиционной концепцией, согласно которой отрицательные предложения делятся на «общеотрицательные» и «частноотрицательные». Эта концепция, идущая от А. И. Томпсона и А. М. Пешковского, противоречива и представляется необоснованной главным образом потому, что указанное деление произвольно заимствовано из формальной логики и в то же время принципиально отличается от общепринятой в логике классификации суждений по качеству и количеству. Поэтому, полагает автор, концепция «общего» и «частного» отрицания не просто нуждается в уточнении, в каких-то частных поправках, как считают некоторые лингвисты, а должна быть заменена кардинально новым подходом. Таковым является исследование функционирования отрицания на двух уровнях структуры одного и того же предложения — синтаксическом и логико-грамматическом.

Рассматривая роль отрицания в конституировании структуры предложения на двух указанных уровнях, автор опирается на теорию логико-грамматического членения предложения, разработанную В. З. Панфиловым [2]. Согласно этой концепции существует два уровня структуры суждения: структура суждения как пропозициональная, логическая функция и как субъектно-предикатная структура. Исследовав роль отрицания в конституировании структуры предложения на двух уровнях (синтаксическом и логико-грамматическом) его членения, автор показывает роль отрицания в квалификации суж-

дений по качеству. Отрицательным по качеству будет только то суждение, оба уровня структуры которого совпадают, т. е. такое суждение выражается предложением, в котором синтаксический и логико-грамматический уровни членения тоже совпадают (ср.: *Брат не ходил вчера в библиотеку*, что с точки зрения логики можно интерпретировать как «*Брат не есть ходивший вчера в библиотеку*»). На этой основе автор формулирует общие правила.

В разделе «Функционирование отрицания на синтаксическом и логико-грамматическом уровнях членения предложения» автор рассматривает некоторые конкретные случаи функционирования отрицания на двух уровнях структуры предложения, его связь с логико-грамматическим членением и с семантикой предложения. Такие пары предложений, как 1) *Дорога отнимает не более двух часов — Дорога не отнимает более двух часов*, 2) *Он был не грустен — Он не был грустен* не могут считаться семантическими синонимами, ибо у них разное логико-грамматическое членение: в первых предложениях каждой пары имеет место расхождение синтаксического и логико-грамматического уровней, а во вторых предложениях каждой пары эти уровни совпадают.

Рассмотрев различные аспекты «поведения» отрицательных средств в структуре предложения на двух его уровнях — синтаксическом и логико-грамматическом, — автор приходит к выводу, что отрицание является «структурно-семантическим модификатором» лексического значения и синтаксической структуры предложения. Как модификатор лексического значения отрицание служит для образования слов, выражающих контрадикторные (противоречащие) и контрарные (противоположные) понятия. Как модификатор синтаксической структуры предложения отрицание функционирует следующим образом: предложение с отрицанием в разных его позициях — это вариантная структура того же универсального предложения с известным смысловым приращением. Предложение с отрицанием находится в регулярном отношении и в той или иной степени близости к первичной модели, сохраняя тождество модели и типового значения. В Заключении (с. 192—200) излагаются общие выводы. Завершается монография списком использованной и цитированной литературы.

Подводя итоги анализа монографии, необходимо отметить следующее:

1) Автору удалось убедительно показать, что утверждение и отрицание стоят в ином ряду, чем такие категории мышления (и диалектики), как качество и количество, пространство и время, причина и следствие. Вряд ли кто-либо станет оспаривать, что отрицание есть компонент мысли и предложения, выражающего данную мысль. Не случайно отрицание является в равной мере объектом исследования языкознания и формальной логики. В логике отрицательное суждение — это форма отражения определенного реального отношения и форма выра-

жения знания о ложности мысли. Поскольку качество суждения (утвердительные и отрицательные) имеет определенное онтологическое основание, то утвердительные и отрицательные суждения — равноправные формы отражения действительности. Одни и те же предметы и их признаки могут быть отражены в содержании суждения как в утвердительной, так и в отрицательной форме. Поэтому без изменения смысла утвердительное суждение может быть грамматически преобразовано в отрицательное и наоборот (*Я не уезжаю* = *Я остаюсь*).

2) Автор остановился «на пороге» практической реализации этой теории: теперь необходима массовая обработка эмпирического материала с точки зрения соотношения средств выражения отрицания в естественном языке и в логике. С другой стороны, эмпирический анализ отрицаний с точки зрения языка и логики мышления мог бы пролить дополнительный свет на теорию, постулируемую в рецензируемой монографии. Как показывает опыт анализа отрицаний на стыке языка и логики мышления, естественный язык, репрезентируя логические модусы, для выражения утвердительных суждений часто использует отрицательные средства, а для построения отрицательных суждений избегает отрицательных слов. Естественный язык, обладая богатством и разнообразием форм выражения отрицания и утверждения, использует их по своей «прихоти», иногда одно вместо другого, однако всегда совершенно точно

и однозначно выражая или отрицание, или утверждение, в полном соответствии с правилами каждого логического модуса.

3) Будучи формально-языковым средством, отрицание употребляется для образования слов, выражающих противоположные отношения, которые выступают логической основой антонимии (*день жаркий — день нежаркий*). Тем самым открыт путь к исследованию логико-грамматической сущности антонимии: какова конкретная система антонимических отношений в естественном языке на уровне слов, на уровне предложений.

Думается, что рецензируемая монография привлечет внимание лингвистов и логиков. Она не только способствует углублению наших знаний по затронутым в ней вопросам, но и непосредственно подводит лингвистов к необходимости массового исследования средств выражения отрицания в естественном языке с точки зрения соотношения языка и логики мышления.

Кривоносов А. Т.

ЛИТЕРАТУРА

1. Панфилов В. З. Отрицание и его роль в конституировании структуры простого предложения и суждения. — ВЯ, 1982, № 2.
2. Панфилов В. З. Взаимоотношение языка и мышления, М., 1971, с. 138—166.

Типология результативных конструкций (результатив, статив, пассив, перфект). Под ред. В. П. Недялкова. — Л.: Наука, 1983, 255 с.

Рецензируемая коллективная монография, подготовленная в секторе теории грамматики и типологического изучения языков ЛО Института языкознания АН СССР, продолжает серию публикаций, которые принесли ленинградской типологической школе заслуженную известность [1, 2]. Предметом описания на этот раз стали глагольные формы, обозначающие состояние, которое возникает или может возникать как результат предшествующего действия. В лингвистической литературе такие формы, известные под названиями «результатив», «статальный перфект», «статальный пассив», «(морфологический) статив».

Большая часть монографии посвящена соотношению форм и значений результатива, статива, пассива и перфекта в конкретных языках: китайском (С. Е. Яхонтов), пивхском (В. П. Недялков, Г. А. Отанна), монгольском (Г. Дугарова, Н. С. Яхонтова), эскимосском (Н. Б. Вахтин), чукотском (В. П. Недялков, П. И. Пицилпей, В. Г. Рахтилин), арчинском (А. Е. Кибрик), узбекском (Д. М. Насилов), эвенкийском (И. В. Недялков, В. П. Недялков), грузинском (М. В. Мачавариани), гомеров-

ском древнегреческом (И. А. Перельмутер), литературном русском (Ю. П. Князев), литовском (Э. Ш. Генюшене, В. П. Недялков), арабском (В. С. Храковский), индонезийском (Агус Салим, А. К. Оглоблин), немецком (В. П. Недялков), норвежском (В. П. Берков), армянском (Н. А. Козинцева), русских говорах (В. И. Трубинский), финском (А. П. Володин), фула (А. И. Коваль, Б. А. Нялибули). В начале монографии помещены три теоретические главы, в первой из которых В. П. Недялков, С. Е. Яхонтов) разъясняются исходные термины и понятия, перечисляются подлежащие освещению вопросы и формулируется ряд типологических обобщений. Во второй главе (Ю. С. Маслов) рассматривается место результатива в ряду других категорий общей аспектологии, соотношение результатива с формами перфекта и пассива в синхронии и диахронии. В третьей главе (Г. Г. Сильницкий) предлагается семантический аппарат, позволяющий наглядно представить смысловую структуру таких категорий, как статив, процессив, каузатив, декаузатив и результатив.

Под термином «результатив» авторы